

Православно-миссионерское книгоиздательство

г.Белая Церковь. Королевство С. Х. С.

1929

Благодарим р.Б.Иоанна за проделанную работу по сканированию книги, и просим помолиться о его здравии.

5790

ИЗРЕЧЕНІЯ ПРЕП. ИСААКА СИРИНА

ПЛАМЕНЬ ВЕЩЕЙ

(МІРЪ ВО ХРИСТЪ)

BIBLIOTHEQUE RUSSE
Boulevard Alexandre III
CANNES (A.-M.)
N° 5790

Конецъ седьмого, и первая половина восьмого вѣка — время подвижническихъ и литературныхъ трудовъ преподобнаго Исаака Сирина. Монашеская жизнь его началась съ поступленія въ монастырь Марь-Матѳея, что лежалъ близъ Ниневіи.

„По исполненіи монашескаго порядка“, говорить его жизнеописаніе, т. е. пройдя вполне искуство общенія, онъ удалился въ отшельническую келью. Когда слава о его учености и святости жизни распространилась повсюду, онъ былъ избранъ, и возведенъ на епископскую кафедру Ниневіи, но, чрезъ пять мѣсяцевъ, отказался отъ епископства, и, снова, удалился въ пустыню, гдѣ жилъ до самой смерти, достигнувъ высочайшаго совершенства жизни.

Въ Церкви есть свѣдѣнія, что онъ питался тремя небольшими хлѣбцами въ недѣлю, съ малымъ количествомъ травы. Эта мѣра была достаточна для его жизни; ею онъ вывелъ свой умъ изъ рабства плоти.

Литературные труды преп. Исаака, лишь въ малой части дошедшіе до насъ, велики. Сирійскій

1

писатель XIV вѣка Эбедъ-Езу говоритъ, что св. Исаакъ Ниневійскій составилъ семь томовъ „о водительство духа, о Божественныхъ тайнахъ...“ Епископъ Беѡ-Гармѡ, Даниилъ Тубанита, написалъ книгу о пятомъ томѣ этого сочиненія, такъ же, не дошедшую до насъ.

Слова преподобнаго Исаака, — слова новаго міра, открытаго людямъ во Христѣ. Преподобный *испыталъ* Евангеліе, и *пересказываетъ* его. Высокія и тонкія изреченія преп. Исаака жизненны высшею жизненностью. „Жизненнымъ“, часто, люди называютъ то, что умереть, — у преп. Исаака жизненно то, что не умереть никогда.

Изреченія, вошедшія въ эту книгу, было бы справедливо назвать *духовнымъ толкованіемъ Евангелія*. Въ явленіи міру истиннаго духа Христова заключается ихъ существо.

Быть, для міра, выразителемъ чистаго Христова ученія, преп. Исаакъ можетъ болѣе, чѣмъ кто либо. Онъ отшельникъ-тайнозритель, онъ епископъ-апостолъ и святой вселенской Церкви.

Мы говоримъ, можетъ быть лишнее сейчасъ, слово о правахъ преподобнаго, потому что, всегда являлось много людей, говорящихъ отъ имени чистоты евангельской. Съ одной стороны это люди внѣцерковные, подчасъ искренно стремящіеся къ чистотѣ, но, неизмѣнно, понимающіе эту „первую изъ тайнъ“, по земному устроению своего разума — внѣ общенія съ сосудами Духа Святого — Святы-

2

ми Отцами и Учителями Церкви, *соборный* разумъ которыхъ есть поле явленія Духа наставляющаго на всякую истину (Іоан. 16, 13); съ другой стороны, это — „внѣшніе философы“, какъ ихъ называетъ св. Исаакъ, которые думаютъ, что познають Бога, и міръ, въ естественной способности чело-вѣческаго ума къ рефлексіи.

Болѣе чѣмъ когда либо, сейчасъ необходи-мо питаніе православнаго церковнаго организма словеснымъ молокомъ „заповѣдей новыхъ“ свято-отеческаго мышленія. Христіанская мысль имѣетъ нужду въ своемъ истинномъ вооруженіи.

Мірѣ страстей, всегда воинствовалъ противъ Христова Тѣла Церкви, и, если Господь ему по-пускаетъ сейчасъ дѣйствовать болѣе открыто, то только для того, чтобы христіане пробудились отъ сна.

Можетъ быть, нѣкоторымъ христіанамъ, про-чтувшимъ эту книгу, покажется лишней высота уче-нія преп. Исаака.. Это вопросъ основной: если лишни заповѣди блаженствъ Христовыхъ, то и лиш-ни страданія Христовы, лишне, конечно, все Еван-геліе, — не нуженъ тогда и преподобный Исаакъ.

Встрѣчу съ этимъ духомъ воинствующаго міра пришлось пережить преподобному. Вскорѣ, послѣ поставленія его епископомъ, пришли къ нему на судъ два христіанина. Одинъ изъ нихъ требовалъ немедленной отдачи долга, другой просилъ отсрочки. Св. Исаакъ сталъ уговаривать даващаго въ долгъ

3

согласиться на отсрочку, началъ говорить ему о томъ, что Евангеліе учить совсѣмъ не требовать того, что взято другимъ, значить тѣмъ болѣе — ждать, пока должникъ не справится со своимъ долгомъ. На это заимодавецъ грубо отвѣтилъ: „Ну, оставь ты это, объ Евангеліи!...“ „Если и Евангелію не повинуются, то что я пришелъ сюда дѣлать“, — съ печалью сказалъ св. Исаакъ.

4

ИЗРЕЧЕНИЯ ПРЕП. ИСААКА СИРИНА

Приучай умъ свой углубляться всегда въ тайны спасенія во Христѣ, но не проси себѣ вѣдѣнія и созерцанія, — въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ, они выше выраженія человѣческимъ словомъ. Не прекращай дѣланіе заповѣдей и труды, для стяжанія чистоты, и проси у Бога себѣ, въ молитвѣ, огнемъ разжженной, о всемъ, печали, какую вложили Онъ въ сердца Апостоломъ, Мученикамъ и Отцамъ.

Первою изъ таинъ именуется чистота, достигаемая дѣломъ исполненія заповѣдей.

Созерцаніе, есть — духовное созерцаніе ума, и состоитъ въ томъ, что умъ приходитъ въ изумленіе, и постигаетъ — что было, и что будетъ. Созерцаніе есть видѣніе ума, приводимаго въ изу-

5

мленіе тайною спасенія Божія, постигающаго Божью славу, и твореніе новаго міра. При этомъ, сокрушается и обновляется сердце, и, подобно младенцу, человекъ напитьсявается, о Христѣ, молокомъ заповѣдей новыхъ, и духовныхъ, дѣлается безъ зла, принакаетъ къ таинамъ Духа, и къ откровеніямъ вѣдѣнія, восходя отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и отъ созерцанія къ созерцанію, и отъ постиженія къ постиженію, и обучается, и укрѣпляется таинственно, пока не будетъ вознесенъ къ любви, соединенъ съ надеждою, и не водворится въ немъ радость, и не будетъ онъ вознесенъ къ Богу, и увѣнчанъ естественною славой, въ какой былъ созданъ.

Читай Евангеліе, заповѣданное Богомъ къ познанію всей вселенной.

Когда наполнишь чрево, не имѣй безстыдства входить въ изслѣдованіе какихъ либо предметовъ и понятій Божественныхъ, чтобы не раскаишься. Разумѣй же, что говорю тебѣ: въ наполненномъ чревѣ — вѣдѣнія таинъ Божьихъ нѣтъ.

Умъ имѣетъ созерцаніе для созерцанія себя самого. Въ немъ то внѣшніе философы

6

и вознеслись своимъ умомъ, при представленіи твари.

Плотолюбцамъ и чревоугодникамъ входить въ изслѣдованіе предметовъ духовныхъ такъ же неприлично, какъ и блудницѣ разсуждать о цѣломудріи. Огонь не загорается въ сырыхъ дровахъ, Божественная горячность не возжигается въ сердцѣ любящемъ земной покой.

Какъ тотъ, кто не видалъ своими глазами солнца, не можетъ кому-либо описать его свѣта по одному слуху, и даже не ощущаетъ его свѣта, такъ и невкусившій душою своею сладости духовныхъ дѣлъ.

Если кто, сидя на конѣ, протянетъ къ тебѣ руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему, потому что, въ это время, онъ, безъ сомнѣнія, скуденъ, какъ одинъ изъ нищихъ.

Если милостивый не бываетъ выше справедливости, то онъ не милостивъ. Милостивый не только даетъ людямъ милостыню изъ своего, но и съ радостью терпитъ отъ другихъ неправду и

7

милуетъ ихъ. А когда побѣдитъ справедливость милостыней, тогда увѣнчивается не подзаконными вѣнцами праведниковъ, но евангельскими вѣнцами совершенныхъ. Подавать нищимъ изъ собственности своей, одѣть нагого, любить ближняго, какъ себя самого, не обижать, не лгать, — это провозглашалъ и Законъ Ветхій; совершенство же евангельское повелѣваетъ такъ: *всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго твое, не требуй назадъ* (Лук. 6.30). И нужно съ радостью терпѣть не только отнятіе какой либо вещи, и прочее внѣшнее, но и самую душу полагать за брата. Этотъ милостивъ, а не тотъ, кто — подаваніемъ только оказываетъ милость брату своему! Милостивъ тотъ, кто услышитъ, или увидитъ что либо опечаливающее брата, и сострадаетъ сердцемъ, а равно и тотъ, кто, будучи удареиъ братомъ своимъ, не возымѣетъ столько безстыдства, чтобы отвѣчать, и опечалить сердце его.

Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся различать достойнаго и недостойнаго; пусть всѣ люди будутъ для тебя равны, для добраго дѣла. Такъ сможешь ты и недостойныхъ привлечь къ добру, потому что душа посредствомъ тѣлеснаго привлекается къ страху Божьему. И Господь раз-

8

дѣлялъ трапезу съ мытарями и блудницами, и не отлучалъ отъ себя недостойныхъ, чтобы этимъ способомъ всѣхъ привлечь въ страхъ Божій, и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились люди къ духовному. Поэтому, благотвореніемъ и честію уравнивай всѣхъ людей, будетъ ли кто іудей, или невѣрный, или убійца, — тѣмъ болѣе, что и онъ братъ тебѣ, одной съ тобой природы.

Милостыня подобна воспитанію, а безмолвіе — верхъ совершенства. Если есть у тебя имѣніе, расточи его — вдругъ.

Смотри, не возлюби стяжанія по нищелюбію, для подаенія милостыни, не ввергни души своей въ суету тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей предъ Богомъ, зависимою отъ людей, прося у нихъ, и не утрать свободы и благородства ума своего, въ попеченіи о житейскомъ, потому что степень твоя выше степени милостивыхъ; нѣтъ, прошу тебя, не будь зависимъ.

Св. Отецъ говоритъ о созерцательномъ дѣланіи, прошедшемъ степень внѣшней милостивости.

9

Въ томъ и добродѣтель, чтобы человѣкъ не занималъ ума своего міромъ.

Во всемъ, что встрѣтится тебѣ въ Писаніи, доискивайся цѣли слова, чтобы проникнуть тебѣ въ глубину мысли святыхъ. Путеводимые благодатью, всегда ощущаютъ, что какъ бы мысленный какой то лучъ проходить по стихамъ написаннаго и отличаетъ въ умѣ внѣшнія слова отъ того, что вѣдѣнію души говорится съ великою мыслью. Если человѣкъ многозначущіе стихи читаетъ не углубляясь въ нихъ, то и сердце его остается бѣднымъ, и угасаетъ въ немъ святая сила, которая, при настоящемъ разумѣніи души, доставляетъ сердцу сладостнѣйшее вкушеніе. Душа, имѣющая въ себѣ духъ, когда услышитъ мысль, заключающую въ себѣ скрытую духовную силу, пламенно принимаетъ содержаніе этой мысли. Не всякаго человѣка побуждаетъ къ удивленію то, что сказано духовно, и что имѣетъ въ себѣ сокровенную великую силу. Слово о небѣ требуетъ сердца, не занимающагося землею.

10

Иное слово дѣйственное, иное слово красивое. И безъ познанія вещей, мудрость умѣть украшать свои слова, — говорить истину, не зная ее.

Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ воду, и не можетъ этою водою утолить своей жажды, то же и слово, не оправданное дѣятельностью.

Писаніе не истолковало намъ вещей будущаго вѣка, но оно просто научило насъ, какъ ощущеніе наслажденія ими, мы можемъ получить еще здѣсь, до естественнаго нашего измѣненія, при исходѣ изъ этого міра. Хотя Писаніе, чтобы возбудить въ насъ вожелѣніе будущихъ благъ, изобразило ихъ подъ именами вещей у насъ всегда желаемыхъ и славныхъ, пріятныхъ и драгоцѣнныхъ, но когда говоритъ, что: *не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо*, и другое, то этимъ возвѣщаетъ, что будущія блага непостижимы, и не имѣютъ никакого сходства съ благами здѣшними.

Точность именований устанавливается для предметовъ здѣшнихъ, а для предметовъ будущаго

11

вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія; есть же о нихъ одно простое вѣдѣніе, которое выше всякаго именования и всякаго составного начала, образа, цвѣта, очертанія, и всѣхъ придуманныхъ именъ.

День воскресный есть непріемлемая нами, пока мы съ плотію и съ кровію, тайна вѣдѣнія истины, и она превосходитъ мысль. Въ этомъ вѣкѣ нѣтъ дня восьмого, ни субботы въ подлинномъ смыслѣ. Ибо сказавшій: *почилъ Богъ въ день седьмой* (Бытіе. 2, 2), означилъ отдыхъ, послѣ окончанія жизни эгой, потому что гробъ тотъ есть — тѣло, и оно отъ міра. Шесть дней совершаются всѣ дѣла жизни, храненіемъ заповѣдей, седьмой день весь проводится во гробѣ, а восьмой — по выходѣ изъ гроба.

Преслѣдуй самъ себя, и врагъ твой прогнанъ будетъ приближеніемъ твоимъ. Умиришь самъ съ собою, и умирится съ тобою небо и земля. Въ себя самого погрузись, отъ грѣха, и найдешь тамъ путь восхожденія, по которому сможешь восходить.

Нѣтъ грѣха непростительнаго, кромѣ грѣха нераскаяннаго.

12

Цѣломудръ не тотъ, кто въ трудѣ, во время борьбы съ собою, говоритъ о себѣ, что прекращаются въ немъ срамные помыслы, но кто истинно-стью сердца своего уцѣломудриваетъ созерцаніе ума своего, такъ что не внимаетъ онъ уже безстыднымъ помысламъ.

Не тотъ любитъ добродѣтель, кто съ борьбою дѣлаетъ добро, но тотъ, кто съ радостью принимаетъ послѣдующія за нимъ бѣдствія.

Начало помраченія ума, прежде всего усматривается въ лѣнности къ Божьей службѣ, и къ молитвѣ.

Страсти искореняются и обращаются въ бѣгство непрестаннымъ погруженіемъ мысли въ Бога. Это — мечъ, умерщвляющій ихъ.

Дѣятельность крестная, двоякая: по двойственности естества (тѣла и души), она раздѣляется на двѣ части. Одна состоитъ въ претерпѣніи тѣлесныхъ скорбей (лишений, неизбежныхъ въ борьбѣ со страстями), и называется *дѣятельностью*. Дру-

13

гая заключается въ тонкомъ дѣланіи ума, и въ Божественномъ размышленіи, а такъ же въ пребываніи въ молитвѣ, и въ другомъ подобномъ; она называется *созерцаніемъ*.

Всякаго человѣка, который, прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ ко второй, привлекаемый ея сладостью, не говорю уже — своею лѣнностью, постигаетъ гнѣвъ, за то, что не *умертвилъ* прежде *земныхъ членовъ* (Колос. 3, 5) т. е. не излѣчилъ помыслы, крестнымъ поношеніемъ, но дерзнулъ, въ умѣ своемъ, возмечтать о славѣ крестной.

Говорятъ: „что отъ Бога, то приходитъ само собою, а ты и не почувствуешь“. Это правда, но только если мѣсто чисто, не осквернено. Если же не чисто око твое душевное, не смѣй устремлять взора на солнечный шаръ, иначе — утратишь и свой малый лучъ простой вѣры и смиренія, исповѣданія сердечнаго, и малыхъ, посильныхъ тебѣ дѣлъ.

Крестъ есть воля, готовая на всякую скорбь.

14

Добродѣтель есть мать печали по Богу, а отъ печали этой рождается смиреніе, а смиренію дается благодать.

Путь Божій есть ежедневный крестъ. Никто не восходилъ на небо, живя прохладно. О пути же прохладномъ, знаемъ гдѣ онъ оканчивается.

Тѣмъ и отличаются сыны Божіи отъ прочихъ, что живутъ они въ скорбяхъ, а міръ веселится въ наслажденіи и покоѣ. Ибо не благоволилъ Богъ, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они въ тѣлѣ.

Радость о Богѣ крѣпче здѣшней жизни, и кто нашелъ ее, тотъ не только не посмотритъ на страданія, но даже не обратитъ взора на жизнь свою, и не будетъ тамъ иного чувства, если дѣйствительно была эта радость. Любовь радостнѣе жизни, и разумнѣе Бога, отъ Котораго рождается любовь, сладостнѣе меда. Любви — не печаль принять тяжкую смерть за любящихъ. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія, вѣдѣніе есть порожденіе ду-

15

шевного здоровья, а здоровье душевное есть сила, происшедшая отъ продолжительнаго терпѣнія.

Слезы положены уму какъ бы нѣкоторымъ предѣломъ, между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою.

Когда познаетъ человѣкъ, что сердце его достигло чистоты? — Когда всѣхъ людей видитъ хорошими, и никто не представляется ему нечистымъ и оскверненнымъ, тогда подлинно чистъ онъ сердцемъ.

Что такое чистота? и гдѣ предѣлъ ея? — Чистота есть забвеніе способовъ вѣдѣнія черезъ естество, заимствованныхъ отъ естества въ мірѣ. А чтобы освободиться отъ нихъ и стать внѣ ихъ — вотъ предѣлъ этому: притти человѣку въ первоначальную простоту и первоначальное незлобіе естества своего, и сдѣлаться какъ бы младенцемъ, но безъ младенческихъ недостатковъ.

Св. Отецъ различаетъ здѣсь видъ знанія вещей *по* естеству, и *черезъ* естество. Первое знаніе не противорѣчитъ чистотѣ, а второе — должно быть забыто, потому что основано на страстномъ воспріятіи міра. Такъ представленіе

16

въ мысляхъ золота какъ созданія Божія есть знаніе *по естеству*, а представленіе золота съ корыстнымъ вожделѣніемъ, есть знаніе вещи *чрезъ естество*.

Что такое „міръ“? Какъ познаемъ его, и чѣмъ вредитъ онъ любящимъ его? — Міръ есть блудница, которая взирающихъ на нее съ вожделѣніемъ красоты ея, привлекаетъ въ любовь къ себѣ. И кѣмъ, хотъ отчасти, возобладава любовь къ міру, кто опутанъ имъ, тотъ не можетъ выйти изъ рукъ его, пока міръ не лишитъ его жизни. И когда міръ совлечетъ съ человѣка все, и, въ день смерти, вынесетъ его изъ дома, тогда узнаетъ человѣкъ, что міръ подлинно лжецъ и обманщикъ.

Когда слышишь объ удаленіи отъ міра, объ оставленіи міра, о чистотѣ отъ всего, что въ мірѣ, тогда нужно тебѣ сначала понять и узнать по понятіямъ не житейскимъ, но истинно разумнымъ, что значитъ самое наименованіе: *міръ*, — и ты будешь въ состояніи узнать о душѣ своей, сколь далека она отъ міра, и что примѣшано къ ней отъ міра.

Слово *міръ*, есть имя собирательное, обнимающее собою такъ называемыя *страсти*. Если

17

человѣкъ не узналъ прежде, что такое міръ, то не узнаетъ онъ, какими сторонами своими онъ далекъ отъ міра, а какими связанъ съ нимъ. Много есть такихъ, которые двумя или тремя частями тѣла своего отрѣшились отъ общенія съ міромъ, отказались отъ міра, и подумали о себѣ, что стали чуждыми міру въ своей жизни, — и не могутъ понять, что только двумя членами они умерли для міра, прочіе же члены ихъ живутъ въ міру.

По умозрительному изслѣдованію, „міромъ“ называется и составъ собирательнаго имени, обнимающаго собою отдѣльно взятыя страсти. Когда, вообще, хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ, а когда хотимъ различать ихъ, называемъ страстями. Страсти — сугъ части преемственнаго теченія міра, и гдѣ прекращаются страсти, тамъ міръ сталъ въ своей преемственности. Страсти же слѣдующія: приверженность къ богатству; къ тому, чтобъ собирать какія-либо вещи; тѣлесное наслажденіе, отъ котораго происходитъ страсть плотскаго вожделѣнія; желаніе чести, отъ котораго проистекаетъ зависть; желаніе распоряжаться начальственно; надмѣніе благолѣпіемъ власти; желаніе наряжаться и нравиться; исканіе человѣческой славы, которая бываетъ причиною злопамятства; страхъ

18

за тѣло... Гдѣ страсти эти прекращаютъ свое теченіе, тамъ міръ умеръ.

Смотри, какими изъ этихъ членовъ живешь, и узнаешь, какими ты умеръ для міра. Когда познаешь, что такое міръ, тогда изъ различія всего этого узнаешь, чѣмъ связанъ ты съ міромъ, и чѣмъ отрекся ты отъ него. Скажу короче: міръ есть плотская жизнь и плотская мудрость.

Чистъ умомъ не тотъ, кто не знаетъ зла (ибо такой будетъ скотоподобнымъ), не тотъ, кто по естеству находится въ состояніи младенческомъ, не тотъ, кто принимаетъ на себя только видъ чистоты. Чистота ума есть — просвѣтленіе Божественнымъ, по дѣятельномъ упражненіи въ добродѣтеляхъ.

Не тѣ только мученики, которые приняли смерть за вѣру во Христа, но и тѣ, которые умираютъ за соблюденіе Его заповѣдей.

Если человѣкъ оставляетъ дѣла, приумножающія праведность, то оставляютъ и дѣла охраняющія ее.

19

Слезы во время молитвы — признакъ Божьей милости, которой сподобилась душа въ покаяніи своемъ, — признакъ того, что молитва принята, и слезами начала входить на поле чистоты.

Съ разореніемъ этого вѣка, немедленно начнется вѣкъ будущій.

Что такое вѣдѣніе? — Ощущеніе безсмертной жизни.

Безсмертная жизнь есть — ощущеніе Бога. Любовь отъ вѣдѣнія, а вѣдѣніе Бога есть царь всѣхъ желаній, и для сердца принимающаго его, всякая сладость на землѣ излишня. Нѣтъ ничего подобнаго сладости познанія Божія.

Любовь, возбуждаемая чѣмъ нибудь вещественнымъ, подобна малому свѣтильнику, питаемому елеемъ, который поддерживаетъ свѣтъ его, или подобна ручью, наводняемому дождемъ, теченіе котораго прекращается съ оскудѣніемъ воды. Любовь же исходящая отъ Бога подобна бьющему изъ земли источнику, потоки котораго никогда не

20

пресѣкаются, и вещество котораго никогда не оскудѣваетъ.

Жизнь этого міра подобна выводящимся нѣкоторымъ, только, буквамъ, изъ начертанныхъ на таблицѣ, и когда кто хочетъ, прибавляетъ къ нимъ и убавляетъ, и дѣлаетъ перемѣну въ буквахъ. А жизнь будущая подобна рукописаніямъ, начертаннымъ на чистыхъ свиткахъ, запечатанныхъ царскою печатью, въ которыхъ нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

Вслѣдствіе молитвы сыскиваются причины любить намъ Бога.

Хорошо сказалъ одинъ изъ мужей богоносныхъ, что для вѣрующаго, любовь къ Богу — достаточное утѣшеніе, даже и при погибели души его.

Даю же тебѣ, братъ, и эту заповѣдь: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока въ самомъ себѣ не ощутишь той милостыни, какую имѣетъ Богъ къ міру.

21

Пока есть у тебя персты, распни себя на молитвѣ, прежде, чѣмъ пришла смерть. Пока есть у тебя глаза, наполняй ихъ слезами, прежде чѣмъ покроются они прахомъ. Какъ роза, едва подуетъ на нее вѣтеръ, увядаетъ, такъ, если внутри тебя дохнуть на одну изъ стихій, входящихъ въ составъ твой — ты умрешь. Положи, человѣкъ, на сердце, что предстоитъ тебѣ отшествіе.

Прочувствовавшій грѣхи свои, лучше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ. Кто одинъ часъ провелъ вздыхая о душѣ своей, тотъ лучше доставляющаго пользу цѣлому міру своимъ лицезрѣніемъ. Кто сподобился увидѣть себя самого, тотъ лучше сподобившагося видѣть ангеловъ.

Молчаніе есть таинство будущаго вѣка.

Молящійся прилежно есть то же, что умирающій для міра.

Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели.

22

Надо знать намъ, что двадцать четыре часа дня и ночи мы имѣемъ нужду въ покаяніи. Значеніе же слова *покаяніе*, какъ узнали мы изъ дѣйствительнаго свойства вещей, таково: оно есть, съ сокрушеніемъ и молитвою приближающееся къ Богу неослабѣвающее прошеніе объ оставленіи прошедшаго, и мольба о сохраненіи будущаго.

Что такое чистота? — Кратко сказать: сердце милующее всякую тварную природу.

Что такое сердце милующее? — Возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ, и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при возрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы, отъ великой и сильной жалости, обнимающей сердце. И отъ великаго терпѣнія, умаляется сердце его, и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А потому и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежедневно со слезами приносить молитву, чтобы сохранились и очистились; а такъ же и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью,

23

какая, безъ мѣры, возбуждается въ сердцѣ его, уподобляющемся Богу.

Достигшихъ совершенства, признаковъ таковыхъ: если десятикратно въ день преданы будутъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяются этимъ.

Конецъ всего — Богъ и Господь. По любви къ твари, Сына Своего предалъ Онъ на крестную смерть. Не потому, что не могъ искупить насъ инымъ образомъ, но Онъ научилъ насъ этимъ преизобилующей любви своей; и, смертью Единороднаго Своего Сына, приблизилъ насъ къ Себѣ. А если бы у Него было что болѣе драгоцѣнное, и то далъ бы намъ, чтобы этимъ приобрести Себѣ родъ нашъ. И по великой любви Своей, не благоволилъ стѣснить свободу нашу, хотя и силенъ Онъ сдѣлать это, но благоволилъ, чтобы любовью собственнаго нашего сердца приблизились мы къ Нему.

Какъ сомнѣніе есть растрата души, въ мечтаніи ея, которое приводитъ ее къ паренію въ облакахъ своихъ мыслей, и круженію по всей зе-

24

мѣ, такъ смиреніе собираетъ душу въ безмолвіе, и сосредоточивается она на себѣ самой.

Какъ душа непознаваема и невидима тѣлеснымъ зрѣніемъ, такъ и смиренномудрый не познается среди людей.

Смиренномудрому никогда не встрѣчается такая нужда, которая приводила бы его въ смятеніе, или смущеніе.

Смиренномудрый, иногда, будучи одинъ, стыдится себя самого.

Когда предстанешь въ молитвѣ предъ Богомъ, сдѣлай въ мысли своей, какъ бы муравьемъ, какъ бы пресмыкающимся по землѣ, какъ бы пиявицею, и какъ бы ребенкомъ лепечущимъ. Не говори предъ Богомъ чего либо отъ знанія, но мыслями младенческими приближайся къ Нему, и ходи предъ Нимъ, чтобы сподобиться тебѣ того отеческаго промысленія, какое отцы имѣютъ о дѣтяхъ своихъ, младенцахъ.

Проси у Бога, чтобы далъ тебѣ притти въ мѣру вѣры. И если ощутишь въ душѣ своей на-

25

слажденіе ею, то не трудно сказать мнѣ, что нечему уже отвратить тебя отъ Христа.

Если упражняющіеся въ вѣдѣніи душевномъ пожелаютъ приблизиться къ вѣдѣнію Духа, то пока не отрекутся они отъ этого душевнаго вѣдѣнія, отъ всѣхъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя въ младенческой образъ мыслей, до тѣхъ поръ они, даже мало, не смогутъ приблизиться къ вѣдѣнію духовному.

Подъ „душевнымъ вѣдѣніемъ“ св. Отецъ понимаетъ всякое человѣческое рационально-познавательное знаніе. Св. Отецъ отрицаетъ за нимъ право реального познанія Бога. Гносеологическіе пути св. Исаака открываются въ каждомъ его изреченіи.

О Царствѣ Небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И отыскивается оно не работою мысли, но можетъ быть вкушаемо только по благодати. И пока не очиститъ себя человѣкъ, до тѣхъ поръ не имѣетъ онъ въ себѣ достаточно силъ даже слышать о немъ; никто не можетъ приобрѣсти его изученіемъ.

26

Какъ тому, у кого голова въ водѣ, невозможно вдыхать въ себя воздуха, такъ и тому, кто погружаетъ мысль свою въ здѣшнія заботы, невозможно вдыхать въ себя ощущеній новаго міра.

Устрашающія и ужасающія человѣка мысли, обыкновенно, порождаются его мыслями, устремленными къ покою.

Надежда покоя, во всѣ времена, заставляла людей забывать великое.

Если человѣкъ небрежетъ о Царствѣ Небесномъ, то не по чему другому, какъ по желанію малаго здѣшняго утѣшенія.

Кто не знаетъ, что и птицы приближаются къ сѣти, имѣя въ виду покой.

Прежде всѣхъ страстей — самолюбіе; прежде всѣхъ добродѣтелей — пренебреженіе покоемъ.

Объ одномъ изъ нашихъ Отцовъ говорятъ, что сорокъ лѣтъ молитву его составляла одна рѣчь:

27

„я согрѣшилъ, какъ человѣкъ, Ты же прости, какъ Богъ“. И Отцы слышали, какъ онъ съ печалью твердилъ эту молитву, а между тѣмъ плакалъ, и не умолкалъ; и эта одна молитва была у него вмѣсто службы днемъ и ночью.

Смиренномудріе есть одѣяніе Божества. Въ него облечлось вочеловѣчившееся Слово, и чрезъ него пріобщилось намъ въ тѣлѣ нашемъ. И всякій въ него облеченный истинно уподобляется Нисшедшему съ высоты Своей, славу Свою прикрывшему смиренномудріемъ, чтобы тварь не была попалена видѣніемъ Его.

Приближается ли смиренномудрый къ хищнымъ звѣрямъ, — и едва только посмотрятъ они на него, укрощается свирѣпость ихъ, они подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, поникаютъ своими головами, лижутъ руки и ноги его: потому что ощутили отъ него благоуханіе, какое исходило отъ Адама, до его преступленія.

Кто грѣхи свои считаетъ незначительными, тотъ впадетъ въ худшіе, и понесетъ семикратное наказаніе.

28

Кто со смиренномудріемъ терпѣть возводи-
мья на него обвиненія, тотъ достигъ совершенства,
и ему удивляются святые ангелы. Нѣтъ никакой
иной добродѣтели столь высокой и трудной.

Въ комъ міръ мертвъ, тѣ съ радостью тер-
пятъ обиды, а въ комъ міръ живъ, тѣ не могутъ
терпѣть обидъ, но движимые тщеславіемъ гнѣва-
ются, и, отъ неразумнаго движенія души, прихо-
дятъ въ смятеніе, или повергаются въ печаль.

Люби грѣшниковъ, но ненавидь дѣла ихъ.

Никого не раздражай, и никого не ненавидь,
ни за вѣру, ни за худыя дѣла его. Если же хочешь
обратить кого къ истинѣ, то скорби о немъ, и со
слезами и съ любовью скажи ему слово или два,
а не воспламеняйся на него гнѣвомъ, и да не уви-
дитъ онъ въ тебѣ признака вражды. Ибо любовь
не умѣетъ ни гнѣваться, ни раздражаться, ни уко-
рять кого либо со страстью.

29

Спасающій тебя никому не попускаетъ да-
ромъ приблизиться къ тебѣ, если не устраиваетъ
въ этомъ чего либо къ пользѣ твоей.

Какъ мать учить малаго сына своего ходить,
отходить отъ него и зоветь его къ себѣ, а когда
онъ, идя къ матери своей, начнетъ дрожать, и по
слабости и младенчеству ногъ падаетъ, мать его
подбѣгаетъ и беретъ въ объятія... такъ и благо-
дать Божья носить и учить людей, которые чисто
и въ простотѣ предали себя въ руки Создателя
своего.

Не старайся горстью своей удерживать вѣ-
теръ, т. е. вѣру безъ дѣлъ.

Умоляю тебя любовью, — охраняться отъ
нападенія врага, чтобы тебѣ остроуміемъ рѣчей не
остудить въ душѣ своей горячности любви ко Хри-
сту, ради тебя вкусившему желчь на древѣ крест-
номъ.

Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, плакав-
шій надъ Лазаремъ, и источившій надъ нимъ сле-

30

зы скорби и состраданія, прими слезы горести моей. Страданіемъ Твоимъ исцѣли страсти мои, язвами Твоими уврачуй мои язвы. Кровію Твоею очисти мою кровь, и съ тѣломъ моимъ сраствори благоуханіе Твоего животворящаго Тѣла.

Пока не возненавидитъ кто причины грѣха, истинно, отъ сердца, не освобождается онъ отъ наслажденія, производимаго дѣйствіемъ грѣха. Это есть самое великое бореніе противящееся человѣку: въ немъ искушается его свобода.

За всякою отрадою слѣдуетъ страданіе, и за всякимъ страданіемъ, ради Бога, слѣдуетъ отрада.

Ни одна изъ добродѣтелей не выше покаянія, потому что покаяніе никогда не можетъ быть совершенно. Покаяніе всегда прилично всѣмъ грѣшникамъ и праведникамъ. И нѣтъ предѣла усовершенію его, потому что совершенство и самыхъ совершенныхъ подлинно несовершенно. Поэтому, до самой смерти, не опредѣляется ни временемъ, ни дѣлами.

31

Страсти подобны собаченкамъ, которыя привыкли быть на мясныхъ рынкахъ, и убѣгаютъ отъ одного голоса, а если не обратятъ на нихъ вниманія, наступаютъ, какъ самые большіе львы. Уничтожай малую похоть.

Испытывай всегда мысли твои и молись, чтобы въ жизни твоей стяжать тебѣ истинныя очи. Отъ этого начнетъ источаться въ тебѣ радость, и тогда найдешь такія скорби, которыя сладостнѣе меда.

Молись Богу, чтобы далъ тебѣ ощутить желаніе Духа и вождѣніе Его.

Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла совершаемаго безъ скорби, потому что добровольная скорбь даетъ доказательство вѣры любовью; а дѣло покоя бываетъ лишь слѣдствіемъ душевной скуки.

Совершаемое безъ труда, есть правда людей мірскихъ, которые творятъ милостыню изъ внѣшняго, сами же въ себѣ ничего не пріобрѣтаютъ.

32

Кто покоряет себя Богу, тотъ близокъ къ тому, чтобы ему покорилось все. Кто позналъ себя, тому дается вѣдѣніе всего, потому что познать себя есть полнота вѣдѣнія о всемъ.

Мысли — скажу образно — какъ вода, пока со всѣхъ сторонъ сдерживаются, хранятъ свой добрый порядокъ, а если мало изъ плотины своей выступать наружу, производятъ разореніе ограды и великое опустошеніе.

Человѣкъ боязливый показываетъ, что страдаетъ двумя недугами: тѣлолюбіемъ и маловѣріемъ. Тѣлолюбіе есть признакъ невѣрія, кто пренебрежетъ имъ, тотъ удостовѣряетъ о себѣ, что всею душою вѣритъ Богу и ожидаетъ будущаго.

Ясно я уразумѣлъ, что Богъ и ангелы Его радуются, когда мы въ нуждахъ, а дьяволъ и дѣлатели его — когда мы въ покоѣ.

Во время искушеній, слѣдуетъ имѣть два противоположныя, и ни въ чемъ не сходныя между собою ощущенія: радость и страхъ. Радость — по-

33

тому что оказываемся идущими по пути проложенному святыми, лучше сказать — Самимъ Животворцемъ всего; страхъ же должны мы имѣть относительно того, — не по причинѣ ли гордости терпимъ мы это искушеніе.

Горе намъ, что не знаемъ душъ своихъ, и того, къ какой жизни мы призваны, и эту жизнь немощи, это состояніе живущихъ, эти скорби міра, пороки его, и утѣшенія, считаемъ имѣющими какую то значительность.

Христе, Единый Всесильный! Ты, Господи, обращай лица наши отъ міра сего, къ тому, чтобы возжелѣвать Тебя, пока не увидимъ, что такое міръ, и не перестанемъ вѣрить тѣни, какъ дѣйствительности.

Кто нашель любовь, тотъ каждый день и часъ вкушаетъ Христа, дѣлаясь безсмертнымъ.

Искатель жемчуга безъ одежды погружается въ море, пока не найдетъ жемчужину. И мудрый монахъ, освободившись отъ всего, проходитъ жизнь, пока не найдетъ себѣ жемчужину — Иисуса Христа.

34

Песъ лижущій пилу, пьетъ собственную кровь, и изъ за сладости крови своей не сознаетъ вреда себѣ. Такъ и монахъ тщеславный, упивающійся похвалою людскою, пьетъ жизнь свою, и отъ сладости ощущаемой на часъ не чувствуетъ вѣчнаго вреда себѣ.

Молитву считай ключемъ, открывающимъ сказанное въ Божественныхъ Писаніяхъ.

Сердце исполненное печали о немощи и безсиліи въ дѣлахъ тѣлесныхъ, замѣняетъ собою всѣ тѣлесныя дѣла.

Сатана ненавидитъ мысль исхода изъ міра сего, и всѣми силами нападаетъ, чтобы истребить ее въ человѣкѣ, и, если бы можно было, отдалъ бы ему царство всего міра, только бы развлеченіемъ изгладить въ умѣ человѣка эту мысль.

На всѣхъ путяхъ, какими ходятъ люди въ мірѣ, не находятъ они мира, пока не приблизятся къ надеждѣ на Бога.

35

Что горсть песку, брошенная въ великое море, то же грѣхопаденіе всякой плоти, въ сравненіи съ Промысломъ и Божьей милостію.

Милосердіе и правосудіе въ одной душѣ — то же, что поклоненіе въ одномъ домѣ Богу и идоламъ. Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры: каждому даетъ, чего тотъ достоинъ, и, при раздачѣ, не допускаетъ склоненія на одну сторону, или лицепріятія. А милосердіе есть печаль, возбуждаемая благодатію, и ко всѣмъ склоняется съ состраданіемъ: кто достоинъ зла, тому не воздаетъ зломъ, а кто достоинъ добра, преисполняетъ имъ съ избыткомъ.

Бываетъ смиреніе отъ страха Божія, и бываетъ смиреніе изъ любви къ Богу: иной смиряется по страху Божію, другой — по радости. Смиренаго по страху Божію сопровождаютъ, во всякое время, скромность во всемъ, сдержанность чувствъ, и сокрушенное сердце; а смиреннаго отъ радости сопровождаютъ великая простота, сердце, возрастающее и неудержимое.

36

Бойся привычекъ больше нежели враговъ.

Помни, что Христосъ умеръ за грѣшныхъ, а не за праведныхъ. Великое это дѣло — скорбѣть о людяхъ злыхъ и благодѣтельствовать грѣшнымъ болѣе, чѣмъ праведнымъ.

Самооправданіе — не христіанской жизни дѣло; объ этомъ нѣтъ и намека въ ученіи Христовомъ.

Веселись съ веселящимся и плачь съ плачущимъ, ибо это — признакъ чистоты. Съ больными болѣзнуй, съ грѣшными проливай слезы, съ кающимися радуйся. Будь друженъ со всѣми людьми, а мыслию своею пребывай одинъ. Принимай участіе въ страданіяхъ всякаго, а тѣломъ своимъ будь далеко отъ всѣхъ.

Распрости одежду свою надъ согрѣшающимъ и покрой его.

Если не одинъ ты мыслию своею, то будь одинъ хоть тѣломъ своимъ. Если не можешь по-

37

трудиться тѣломъ своимъ, поскорби хотя бы умомъ. Если не можешь бодрствовать стоя, то бодрствуй сидя, или лежа. Если не можешь поститься въ продолженіе двухъ дней, постись, по крайней мѣрѣ, до вечера. А если не можешь и до вечера, то остерегайся, по крайней мѣрѣ, пресыщенія. Если не святъ ты сердцемъ своимъ, то будь чистъ хоть тѣломъ. Если не плачешь въ сердцѣ своемъ, то, по крайней мѣрѣ, облеки въ плачь лицо свое. Если не можешь миловать, то говори, что ты грѣшенъ. Если ты не миротворецъ, не будь хотя бы любителемъ мятежа. Не можешь стать усерднымъ, — по крайней мѣрѣ, въ образѣ мыслей своихъ, будь не какъ лѣнивый.

Не питай ненависти къ грѣшнику, потому что всѣ мы повинны; и если возстаешь на него, ради Бога, то плачь о немъ. И почему ты ненавидишь его? Ненавидь грѣхи его — и молись о немъ самомъ, чтобы уподобиться Христу, Который не негодовалъ на грѣшниковъ, но молился о нихъ... И за что ты, человѣкъ, ненавидишь грѣшника? Не за то ли, что онъ не имѣетъ праведности, подобно тебѣ? Но гдѣ же твоя правда, когда не имѣешь любви?

38

Грѣшникъ не въ состояніи и представить себѣ благодать воскресенія своего. Гдѣ геенна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе, во многомъ насъ устрашающее, и побѣждающее радость любви Христовой? И что такое геенна, предъ благодатью Воскресенія Его?

Немощъ чувствъ, не въ состояніи — встрѣтить, и вынести пламень вещей.

Придите, разсудительные, и удивляйтесь! Кто, имѣя умъ мудрый и чудный, достойно удивится милости Создателя нашего! Есть воздаяніе грѣшникамъ: вмѣсто воздаянія праведнаго, воздастъ Онъ имъ воскресеніемъ; и вмѣсто тлѣнія тѣлъ, поправшихъ законъ Его, облакаетъ ихъ въ совершенную славу нетлѣнія. Эта милость воскреситъ насъ, послѣ того, какъ мы согрѣшили, — выше милости было привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали.

Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей!

Русская Типографія С. Филонова. Новый Садъ, Югославія.